

Часть 1. КОММУНИСТЫ ДВАДЦАТЫХ

ЗАТУХАЛ короткий декабрьский день. За окном начал густо синеть снег. Пора было заканчивать работу. За эти несколько дней, проведенных мною в областном партийном архиве, я словно окунулся в атмосферу двадцатых годов. Будто живые вставали передо мной коммунисты той поры. Из постановлений, решений, написанных на клочках бумаги, переписки с окружкомом вырисовывались конкретные люди с их привычками, характерами.

Но в моей работе оставалось «белое пятно». В феврале 1921 года в Усть-Ишиме погиб Иван Карпович Гаврин, похоронен на местном кладбище, под обелиском с красной звездой. С его сыном Николаем Ивановичем вместе в школе работали, сейчас Н. И. Гаврин на заслуженном отдыхе. Он утверждал, что отец был членом партии. Ребята из туристско-краеведческого кружка «Поиск» пересняли фотографию погибшего, написали несколько писем в различные архивы. Но ответ получали однотипный: партийная принадлежность не установлена. И вот сейчас представлялась возможность уточнить этот факт. Помочь вызвалась научный сотрудник партийного архива Н. И. Емельянова. Сначала она разыскала список членов Тарской уездной партийной организации за 1920 — 1924 годы. Просматриваю, нахожу знакомые фамилии, а вот и Гаврин Н. К.

— Значит, должна быть учетная карточка, — радуется меня Нелли Ивановна и уходит за документами. А я от волнения встаю с места, подхожу к окну, за которым зажигаются яркие огни ночного города, и вспоминаю, что же знаю об этом человеке.

...Холодная февральская ночь 1921 года. Метель вьет за окном. В комнатушке волостного Совета идет собрание актива. Начальник милиции Иван Ильич Антонов доложил: — Товарищи! Из Слободчиков идет банда. Человек 150. Верховодит ею бывший колчаковский офицер. Все мужчины из ишимских деревень: Резановой, Кайлов, Смолиной, Слободчиков. Лютуют, коммунаров расстреливают. Чудом пробрался к нам Василий Михайлович Никулин. Все его знаете. Собирает подрывную, агитацию вел. Так он два дня в под-

полье у Коноплина Никиты прятался. У нас в Устье обстановка сложная. Кулачье зверем смотрит, так и готово в горло вцепиться. Старик Шапошиных не простил нам, как его хлеб бедноте раздавали. — Что будем делать? — продолжал Антонов. — Нас здесь трое членов партии. Антон Прохорович в лесу — деланы отводит. Четверо милиционеров с нами. Семь винтовок найдется. Сколько можем — держимся. А дальше? Подмога через два дня придет. Силы нашей не хватит долго продержаться. Предлагаю сразу же уходить. — Поставил ты задачу, Иван Ильич, — дымя трубкой, проговорил Станислав Контов. — Конечно, не дело со своим мужиком воевать.

— Надо сочувствующих собрать, поговорить. — предложил Иван Гаврин. — А может, и уговорим мужиков? На что они рассчитывают интересно? Думают, что их с иконами здесь встретят? Советская власть теперь крепко держится. Иван Карпович коммунистом стал в январе 1920 года. Выходец из крестьян Вятской губернии, окончил сельскую школу. Профессию получил в мастеровских. Воевал в гражданскую и первую мировую войны. Члены Усть-Ишимской ячейки избрали его секретарем. — Война не кончилась, Иван Карпович, — хмуро, не глядя в глаза товарищей, говорил Антонов. — Война еще идет, беспощадная, жестокая. Кто кого? Много еще крови

прольется, пока победит мировая революция. Я думаю, что нам все-таки лучше уйти без боя. Мужиков мы уговорим, может, а ими офицеры командуют. — Перебить контраков! — стукнул кулаком по столу Гаврин и вдруг задумался, нервно теребя усы. — Пугнуть надо, а стрелять в людей нельзя, — стоял на своем Контов. ПРОГОВОРИЛИ и не заметили, как в обледеневших окнах забрезжил серенький рассвет. Собрали милиционеров. Антонов рассказывал им: — Едут бандиты. Их много больше, чем нас. Наша задача — остановить, не дать хозяйничать им в Устье. В основном это обманутые врагами Советской власти такие же мужи-

ки. Надо их вернуть к мирной жизни, к семьям, к своим хозяйствам. Поэтому в людей не стрелять. Дадим залп поверх голов и посмотрим, что из этого получится. Если полезут напролом, все отходим к Таре, пока дороги не перерезали. Оборону заняли в огороде, спускающемся к Крушинке, возле взвоза. Дорога петляла по полю и уводила в Дубровку, смутно темнеющую в снежной круговерти. Томительно идут минуты ожидания. Особенно волновался Антонов. Год назад его по партийной мобилизации направили в эту северную волость начальником милиции. За свою пока не очень долгую жизнь он успел многое повидать, но руководить обороной села пришлось впервые. Сзади, над Иртышом, вставало солнце и розовым светом окра-

сились пушистые шапки сосен в Дубровке. Метель стихла. И вдруг в лесу возник негромкий звук. Сначала он был неясным, но, приблизившись, стал похож на скрип снега под полозьями саней. Негромкие голоса, нашель. Все ближе, ближе... — Приготовиться, — вполголоса подал команду Антонов. — Стрелять залпом, по моему приказу. Клацнули затворы винтовок. А из Дубровки вынырнули первые подводы. Кто-то рассмеялся. Но на открытом месте лошади стали двигаться медленнее, видно, дорогу за ночь забуражило. Голова колонны поднялась на гриву. Хлестко в морозном воздухе щелкнул залп. Передние подводы остановились. Люди соскакивали с саней, падали в снег. Задние подводы напирали. Раздался треск оглобелей. Вперед колонны

верхом на коне вылетел офицер. Он размахивал наганом, матерясь, кричал: — Назад, пристрелю! Всем спешиться! Цепью! Короткими перебежками! — Эх, срезать бы тебя! — тоскливо произнес Антонов. — Глядишь, и разбежались бы мужички... — Нельзя, Иван Ильич, нию хуже наделаем, — остепенил его Контов. Тем временем мятежники отвели лошадей к Дубровке и, беспорядочно стреляя, рассыпались цепью по луку. После второго залпа обороняющихся залегли, вновь поднялись. — Уходим, — скомандовал Антонов. — Забираем документы и — за Ишим! — Я остаюсь, — тихо сказал Гаврин. — Попробую уговорить. — Зря, Иван Карпович, — убеждал Антонов. — Ничего, где наша не пропадала...

Иван Ильич прижал к себе Гаврина, оттолкнул: — Смотри, будь осторожен... ГАВРИН задворками выбрался на улицу. Часть мятежников, не встретив сопротивления защитников Усть-Ишима, просочилась через огороды, переулки в село. Они гурьбой шли серединой улицы. У кого — винтовка в руках, у другого — охотничий дробовик, у третьего — железные вилы. Гаврин направился им навстречу. — Здорово, мужики! Куда вы так рано? Будто на охоту, — просто душно спросил Иван Карпович. Враз отозвались несколько человек: — Да сами не знаем, куда ведут. Сказывали, будто коммунисты последнюю скотину отберут... — В Советы мужика не допускают... — Царь - батюшка

будто вернулся... Ты не слышал? Расскажи хоть, че знаешь. — Закуривайте моего самосадчику, — Гаврин усмехнулся и вытащил кисет. — Только говорят, что в Москве кур доят. Несколько рук потянулись к кисету. Гаврин рассмотрел мужиков. Многих он знал, да и его тоже. Иван Карпович крутил сигарку и начал осторожный разговор: — Как вы же, против Советской власти пошли воевать? — Нет, мы за Советы, только без коммунистов, — ответил слободчиковский парень. — Обманули вас контраки, — затыгиваясь дымом, говорил Гаврин. — В Москве Ленин, Советы на местах. Не дело вы задумали. По головке за это не погладят. Шли бы по домам... — Вот и я так же толкую, — опять крикнул этот слободчиковский. Никто не заметил,

когда к толпе подошел сутулый мужик с диковатым мутным взглядом. Был он пьян. Выхватив из-за отворота полушубка обрез, он в упор выстрелил. Схватившись за грудь, Иван Карпович посмотрел на мужика и молча рухнул на свежий белый снег. Примерно так в свое время старожилы рассказывали о смерти секретаря Усть-Ишимской партийной ячейки. Из раздумья вывел голос научного сотрудника. Листаю желтые странички учетных карточек. Они совсем не похожи на нынешние. Да и как скупы их сведения! И вдруг вижу: Гаврин Иван Карпович. Время вступления в РКП(б): январь 1920 года. А в левом углу наискось надпись: убит. И подпись секретаря уездного комитета. В. ФАТЕЕВ.

Часть 2.

КОММУНИСТЫ ДВАДЦАТЫХ

ПОСЛЕ ГИБЕЛИ И. К. Гаврина контр-революционеры схватили начальника милиции И. И. Антонова, но ему удалось бежать, а через два дня над Усть-Ишимом навсегда взвилось алое знамя.

В июле 1921 года была организована заготконтора, которой руководил Николай Иванович Загоркин. В тот год впервые был выполнен план лесозаготовок. Но еще в августе всех членов партии перевели на казарменное положение.

Образовалась Эбаргульская партийная ячейка. Ее секретарем избрали Сафара Исанбаева. Выразили желание стать коммунистами Ахмет Ильясов, Сагитулда Бакеев, Рахим Янбаев и другие жители деревни.

А в начале 1922 года председателем волисполкома избрали А. Мокринского. В состав волисполкома вошли начальник пристани Ярыгин, директор детского дома Н. М. Канаева, ком-

мунисты С. С. Контов, К. П. Куликов, продинспектор П. Ф. Лукашевич, начальник милиции Г. Н. Куликов, политкомиссар губтопуправления А. В. Ткаченко, секретарь партячейки А. П. Мусанов.

По состоянию на первое июля 1922 года в Усть-Ишимской ячейке было пять коммунистов и два кандидата.

А вскоре ячейка понесла тяжелую утрату: умер секретарь Антон Прохорович Мусанов. В партию он вступил в 1920 году, работал помощником лесничего. Большую часть времени А. П. Мусанов находился в лесу, контролируя рубку в Бичинском лесничестве, сильно простыл, заболел и не мог справиться с болезнью.

Долго решали коммунисты, кому доверить руководство ячейкой.

— Предлагаю передать дело Контову, — говорил Константин

Петрович Куликов, — он самый старший. Сорок девять лет. А то, что сторожем лескома работает, — не беда.

— А у меня есть предложение доверить временно Семену Яковлевичу Калинин. Он приехал к нам из Акмолинской губернии, грамотный, работает в губкоме заведующим информотделом, — предложил Павел Филиппович Лукашевич.

— Как мы ему можем доверить? — возразил Куликов. — Не зная человека...

— Да наш он, из здешних крестьян, — горячился Лукашевич. — В отпуск к родителям приехал. Просит оставить здесь на постоянное жительство, как местного жителя. Заявление в губком отправил.

— Пусть будет Калинин, — согласился с Сергеева. — Только нам надо потолковать с ним заранее.

Втроем взялись пере-

бирать документы, оставленные Мусановым. Чего здесь только не было! Книжки, брошюры, инструкции, циркуляры, старые газеты, патроны, какие-то квитанции. Все это было разбросано в шкафу, ящиках стола.

— Некогда мужику было разобрататься, — оправдывал покойного Лукашевич. — Дом его почти не видели, все в урмане пропадал. Лес любил, как человека. Раз он мне начал про недру рассказывать, да так складно, что я и рот раскрыл. Да... Войну прошел, пуля не тронула, бандиты не убили, а от какой-то болячки помер. Жалко мужика.

— Книжек уйму прочитал, — говорил Куликов, с крестьянской основательностью листая толстенный том, слюнявя пальцы. — Вот эту враз не одолеешь. Карла Маркс написал. Непонятного, правда, много. Кой-чего понятно.

«Стоимость рабочей силы определяет, таким образом, стоимость труда, или в денежном выражении — его необходимую цену...» — медленно, по слогам читал он, потом оторвался от книги, подумал, тряхнул головой.

— Что-то я не пойму, больно мудрено, — и снова принялся перечитывать то же самое.

— Умный все-таки мужик был, — восхищенно закрутила головой Сергеева.

— Это ты про кого? Карла Маркса или Мусанова? — спросил Лукашевич.

— Ой уж вы, пересмешники, — махнула Сергеева рукой.

А Лукашевич уже считал толстую замусоленную пачку ассигнаций.

— Все, семьдесят тысяч, копейка в копейку. Надо записать и передать Георгию Наумовичу.

В углу в ящике гру-

дой свалены ружья. Куликов осматривал каждую винтовку, для чего-то заглядывал в стволы, щелкал затворами. Исправными оказались две берданы и три винтовки ГРА, остальные — бесполезная груда железа и дерева: где ствол погнут, где бойка нет. Даже шомполка прошлого века оказалась среди этого хлама.

Лукашевич пнул ногой эту груду и заговорил:

— Знали мужики, что сдавать. Одна рухлядь. А после войны винтовочек здесь много осталось. Припрятали, кто на дрова ходит, кто под стропилиной хранит для другого дела. Затаились еще гады. Сын-то Егора Шапошникова торговлишку свою закрыл, сейчас совслужащий. Пролез в Омске в акционерное общество. Щетину по деревням скупает...

— Зря ты нашего мужика обнижаешь, — вздох-

нул Куликов. — В мятеже — то в Устье мало кто против Советов пошел.

— И нас никто не поддержал, — продолжил Лукашевич. — Ничего, скоро конец напу. Тогда посмотрим, тогда мы гадов вот так, — и крепко сжав пальцы, потряс здоровенным кулаком. — А эти железки в милицию сдать.

— Тут еще патроны есть, — показал Куликов. — Пиши, 34 штуки от русской винтовки образца 1917 года. Вот и все. Можно передавать.

Вдруг чуть не закричал:

— Да нельзя Калинин передавать! Непроведенный он человек. Может, контра затаившаяся. Отдадим все Георгию Наумычу, пускай будет секретарем. Все-таки начальник милиции.

— Он тоже отказывается. Осенью-то мы его хотели избрать секретарем, так что он сказал? Помнишь? Тормоз, гово-

рил, мне в работе. Пускай из Тары человека присылают на месте разобрататься. Бумага-то пришла принять дела Контову, да он ссылается, что малограмотный, — рассказывал Лукашевич.

Так С. Я. Калинин был избран секретарем Усть-Ишимской партячейки. В состав входил, как уже говорилось выше, комиссар губтопуправления А. В. Ткаченко, который занимался вопросами заготовки

дров. Каждая волость для вывозки леса к пристаням должна была предоставить определенное количество подвод. Например, Усть-Ишимская — 400, Слободчиковская — 800. В последней волости вопроса

ми заготовки леса занимался молодой политик Григорий Никитич Коноплин. Позднее его переведут в Усть-Ишим на место А. В. Ткаченко.

А секретарем Усть-Ишимской партячейки стал (до ноября 1923 года) учитель Иван Семенович Семенов.

В. ФАТЕЕВ.